

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ

Гляди на стройку, значит, зорко, в оба, бетонный цепко оценив каркас,
Незавершенность – глупая особа, но держится достойно, без прикрас.
Вот котлован, на самом дне смиренья, в нем техника грустит в параличе,
Татуировкой сизое прозренья у бригадира на крутом плече.
Противный карлик поселился в кране, лицо изображает смену мук.
Над будкой разбежавшейся охраны болтается пустой облезлый крюк.
Сквозняк проект упоминает всеу, капустную с купюр стяхнувши тлю.
В догадках скверных бытие рисует инвестора, надевшего петлю.
Застыл раствор, не пригодился опыт, обеденная скука, колбаса.
Рабочей смены своевольный ропот отправлен непечатно в небеса.
Замазкой зашпаклеван влажный запах, но он везде мистически проник.
Кобель, как день, стоит на задних лапах, непобедимо высунув язык.
Строителей заботы, будто выпас идей, что зодчий воплотить взалкал.
...Из времени любого можно выпасть, сказав, что Бог несчастного толкал.

СТРАХ

Взойдет травы рубаха не по росту,
Знаменья свыше вновь придет за мной.
Упряма память – грубая короста,
Не совладать с ней, выкомыш земной.

Хватать губами воздух хриловатый,
Прислушиваться к голосам страстей,
С кем хлеб делил, а грусть была расплатой,
Умножившая сущности вещей.

Все ждал ответа, не имея цели,
Господь, так торопливы дни твои!
Босому проходимцу знать тебе ли,
Живительный, пьянящий ток крови!

Он будоражит, будит терпеливо,
И сон и явь – печали долгий взмах.
Призыв прилива и ответ отлива,
И в круге первом драгоценный страх.

ПРИТИХШИЙ ДВОР

Притихший двор щекочет привкус гари, грузовика дощатый пылен кузов,
Сосед завозит мебель, благодарен, семейные скрепить покупкой узы.
Он на полу считает фурнитуру, крепеж, сверяя с чертежом фабричным,
И гладит по головке дочку-дуру на кухне, в стойком запахе яичном.
С автобусной подножки вечер спрыгнул, считает небо мартовские иды,
В лото играют дети, спины выгнув, копеечной фортуне не завидуй.
Но я – свидетель: есть, однако, ласка, не убежит с топчана день в безделье.
На половицах облупилась краска, нет ссор, но нервы явно на пределе.
Да, я – свидетель этих одиночеств, судеб простых и обычных жизней,
Таких же, как стандартность наших зодчеств, где в старости и праздники капризней.
Пар из подвала, запах теплотрассы, задворок вид плешив, прямоуголен,
Дождь ест сугробы и критичность массы, в несовершенстве мира копит волю.

КНИЖНЫЕ РАЗВАЛЫ

В переходе книжные развалы, лысиной блестящий продавец.
Улица толпою изнывала, выказав терпенья образец.
В переплет попасть души не чая, под обложкой оказаться в миг,
С укоризной головой качая, буквоед невольный и шутник.
Полистав невнятицы беспечной, помусолив пальцами язык,
Свет страниц и жизни скоротечной, только дразнит, манит и дерзит.
Как и ты, я из такой же касты, как тебя ведет меня строка.
Сызмала с изъяном языкастый, выжить чтоб, сойду за дурака.
Путь из букв чарующий и вечный, в сонмище сюжетов заводных.
Ощути со мной толчок сердечный, в типографских знаках выходных.
Не вопрос, что важен вес таланта, хоть бамбук кури, а хоть кальян,
Не отыщешь в чтиве бриллианта безвременья штопая изъян.
Дай мне книгу не прочтенной неги, в той, где запах есть и вкус и звук,
Где в степи горланят печенег, лица отражают смену мук.
Так иди за мной дорогой страстной и над суетою поднимись,
Чтобы навсегда строкою красной начинался жизни строгий смысл.

ПЕРЕДОВИЦА

ЛЭП чернеют на закате
Среди просеки, к реке
Свет последний солнце тратит,
Исчезая налегке.

Спит ржавеющий бульдозер,
Вахта брошена в тоске,
И душа в анабиозе
На сухом речном песке.

Острый ветер производства
Двинет крана рычаги,
Трудовое первородство
Загудит среди тайги.

И в платке явившись красном,
Крановщица знатна вся,
Миражом скользит прекрасным,
Кольхая телеса.

Жизнь былая с убежденьем
Ставит памяти вопрос,
Тлен мешая с вождельем
В лязге тросов и колес.

Снова оживают лица,
Кочегарный запах мест,
А в башке – передовица
С запозданием мысли ест.

БУБЕНЧИК

В жажде жизни, в ее круговерти,
Перемешаны правда и ложь,
Много скучного в опыте смерти,
Не тождественно правилам... Что ж?

Безутешно одетый дух речи,
Удивлял повседневности бровь,
И за ближнего страх недалече,
Был на жалость похож и любовь.

Но размажь эту смесь мастихином,
Не желей ни кармин, ни белил,
Ремесла полновесным цехином,
Ты давно и за все заплатил!

Небо крыл непечатною жостью,
Жадно ел пирожки с требухой,
Исходивший глухие предместья,
Молодой, бесшабашный, бухой.

Муки вечные щедрой пригоршней,
Собирал и прощенья просил ...
Потому и в груди, скомороший,
Вместо сердца бубенчик носил.

НОЧЬ

Дует ветер дел заплечных
Буйной голове в висок,
Путь, и тот явился Млечный,
Набекрень, наискосок.

Отчего смертельна свежесть
И поставлена в вино?
Волки, кровожадно нежасть,
Скалят пасти на луну.

Клювы вороны прочистив
Больше очи не клюют,
На душе светло и чисто,
Да и в душу не плюют.

Только чья-то тень святая
Таёт в медленном огне,
Крылья больно вырастают
На истерзанной спине.

Порч и почестей небесных
Узелком связать невмочь,
За слезой простой и честной
Отправляйся в эту ночь.

ТВОРЕНЬЯ ВЕЩЕСТВО

Крыжовника глаза кошачьи,
У тишины есть сонный створ,
И влажною сиренью смачно
Грешил и задыхался двор.

Дома, откормленные сонно,
Хозяев ждут наверняка,
Покойные во время оно,
Глотком парного молока.

Поджаренный на солнце точно,
Смотрел подсолнух втихаря,
Тесали рядом бревна сочно,
Махоркой крепкою смоля.

Я понял, труд в высоком смысле,
Хорош, чтоб замысел его,
У бытия на коромысле,
Качнул творенья вещество.

Пусть учит день добру и страху,
Когда в поту нательный крест,
Отдаст последнюю рубаху,
И вспомнит перемену мест.

ЦЕППЕЛИН

Гляди сыновьею любовью на горизонт, где как налим,
Плывя, струи тугие ловит по нашей воле цеппелин.
Подставил смело ветру щеки над сонностью речных прохлад
Несвоевременный – и, в итоге, несовершенный аппарат.
Скрипит фанерная гондола, где командор засел птенцом.
Он на какой парад в просторе летит серебряным яйцом?
Нам дерзновенья века любви, подвластен, мил лубковый сказ,
Играйте, ангельские трубы, звени моторами, каркас.
Канаты свесились под брюхом, как письма из узелков,
Гордись, страна, небесным духом, путь властелинов – он таков!
Мы покоряем раз за разом простор, не осознав предел.
Мечтою в кубатурах газа, судьбой неповторимых дел.

НОЙ

Земля молода, в ней упрямая нега,
Теплы небеса и манят пленой,
Зачем же кедровое тело ковчега
Поставил на брег недоверчивый Ной?

С утра облачился в льняную рубашу,
Денек безмятежный на все времена,
Умыты росой библейские страхи,
Пророки вздремнули, хлебнувши вина.

Смеется над ним молодая природа,
Бросает к ногам изобилье плодов,
И воины гордо идут из похода,
Ведут на веревках коров и рабов.

Купцы суетятся в торговом угаре,
Артельщики строят из камня дома.
А он все твердит: каждой твари по паре,
И все собирает в мешки семена.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Тяжелых колес парохода боится речная волна.
Опомнись, какая погода? Природа разлукой больна!
Будь счастлив дорогой обратной, простерт в ней из прежних длиннот,
За край невесомости ватной, изорванный отсвет забот.
Есть право на память о счастье, глупа и коварно вольна,
В ответ кандалы на запястьях, земная замкнет тишина.
Любить – это значит до точки тяжелое время понять,
Найти тебя вне оболочки, фантомною болью обнять.
Одна белизна на палитре и утра туманного вид.
Минувшее явится в титрах и имя твое исключит.
И даже речные изломы моя повторяет судьба,
Я выйду из жизненной комы, которая слишком груба.
Прощальные отзвуки лета привиты свободой забот,
Под чашкой сыреет газета, последний плывет пароход.
Гудок, ощущение стресса, душа перевозданно боса,
И дождик рябою завесой с пролеском сольет небеса.

ПЛЯЖ

Река сквозит теченьем вечным, день сонным маревом затаскан.
На пляже запах чебуречной, кабинки с ядовитой краской.
Хрустит песок. Далек от мысли принять скучающие дали.
На лежаках тела раскисли, и остро смотрятся детали.
Понтонный мост, зеленый остров, спасатель умножает знания,
А рядом с ним шашлычный остов с углями прежнего закланья.
Пугливой красотой подростки с перил ныряют безыскусно.
И на песке от волн полоски читаются все также устно.

Свое избранничество скомкав, купирюя тоску и стрессы,
С гримасой предков и потомков пьешь пиво среди пляжной мессы.
Грустят подвыпившие панки, здесь детскость мертво выгорает.
И алюминиевые банки бомжи из урны выбирают.
Не оборвется пуповина, обет ленивости не долгов,
Но прежде речки горловина в себя затянет сонный город.

ИСТУКАН

Там, где посвист степного аркана,
Где ветра шевелят ковыли,
Сотворил я себе истукана
И прощенье прошу у земли.

Что ж, готовьтесь к таким переменам,
Купол неба сегодня не глух,
Потому и по каменным венам
Я вселяю в него новый дух.

Он как молния в грозных зарницах
Воссияет в значенье былом,
И ему перелетные птицы
Будут бить и крылом и челом.

Пробудив известковые очи,
Очерчу я круги на воде,
И зеркальная аспидность ночи
Отразит его здесь и нигде.

Кто еще у судьбы на примете?
Не криви же, ваятель, душой:
Ты такой же, ненужный на свете,
Бородатый, веселый, большой.

БЕССОННИЦА

Пока не спится человеку в доме,
Распахнутое в ночь глядит окно,
Где город на неоновой ладони
Уж не шумит машинами давно.

Бессонницы уклад бывает сладок,
И горек, он на кухне приумолк.
В нем есть неохраняемый порядок
И любопытства не прощенный долг.

Прямее время обнажает грани
Смятенья или вольной пустоты,
И движущие вереницы зданий,
И в памяти застывшие мосты.

Мы школ ночных таинственные дети,
Свой вдох и выдох примеряем зря,
Над жертвенником нового столетья,
Где под асфальт закатана земля.

Тогда как в непокой другого рода,
С небес направив искристый поток,
До сердцевины бытия природа
Несет любви и вольности глоток.

ВОЗРОДИВ ОГОНЬ

Возродив огонь из сажи,
Сотворив еще чудес,
Никому не скажешь даже,
Что и сам теплом воскрес.
Пламя языками чалит,
Треск костра почти затих,
В толкование печалей,
Или радостей благих.
Обостряет восприятье,
Познавать явленья суть,
Это странное занятие –
Изучать лучистый путь.
Жить бы дальше не по числам,
По законам естества,
Даль и тьму наполнив смыслом
Одинокого костра.

СУЩНОСТЬ

Сущность морской волны –
Возрождаться каждые семь секунд.
Еще моря глубиной полны,
А души уходят на грунт.
Движет стихией трудный инстинкт,
В горле бутылки свистит Норд-Вест,
Этот ветер никого не простит,
Но Бог не выдаст, свинья не съест.
Так рассказал мне моряк один,
Крепко держась за планшир,
Он по морю прошел невредим,
Просмолен и худ, как штырь.
Знал он девятого вала клюв,
Килем, бывало, скоблил риф,
Сущность – это сознания люфт,
Но из него рождается миф.
И семь ветров волнам в унисон
Секундами бьют в висок,
С тех пор как бросил «Арго» Ясон,
И он ушел в песок.
Я возразить мореходу не смел,
Слушал удары воды в металл,
Видел, как был горизонт бел,
Понял, что он смертельно устал.

МИР РАЗНОГОЛОСЫЙ

Уходит прочь забвенье снегопада,
Глядит вокруг, как погибает ночь,
И падает, куда бы ей не падать.
И на рассвете исчезает прочь.
Туда, где флейты воздевают сосны,
Родник играет под прозрачным льдом,
Туда, где птичий мир разноголосый
В природе обретает общий дом.
Там первый луч напоминает буер,
Порой минута замещает час...
К чему это затишье перед бурей,
И вестник счастья прямо у плеча?

НЕ ОТДАВАЙ

Промчалась жизнь в известном шуме-гаме,
Забылись разом дружба и вражда,
Играешь роль в одной нехитрой драме,
Но кто тебя на этой сцене ждал?!

Едва начав, бросал любое дело,
В неутолимых путаясь страстях,
Как атеист, плясал, остервенело,
На хрупких человеческих костях.

В каких краях, под звездными венками,
Являлась непреклонность бытия?
Дороги обращались тупиками,
В трясине пропадала колея.

Не отдавай, чего бы ни просили,
А накопи в душе и приумножь
Страданья, что дождями моросили
Или сияли, словно медный грош.